

18 июня 1814. Все это время дядя заставлял меня читать различные похвальные слова разным великим людям, говоря, что он намерен написать похвальное слово императору Александру по поводу целого ряда одержанных им блистательных побед, и, так как он совсем не был знаком с этим родом сочинений, то, желая знать, что написано подобного другими. Всего более ему понравилась похвала Марку Аврелию, хотя он находит, что она писана не совсем согласно с правилами, так как действие в ней смешано с повествованием. Иные похвальные слова иногда усыпляли моего дядю. В результате всех наших чтений в этом жанре, когда мой дядя то слушал, а то дремал, он наконец сказал мне, что лень его одолела и что больше он писать не будет: «Я много писал, — теперь я старый и моя литературная карьера закончена, я оставляю молодым поэтам заботу меня заменить». Время от времени он любил рассказывать мне о моем отце, о советах, которые он получил от него по поводу своих сочинений, заставляя меня читать те из них, которые отец предпочитал, и много раз перечитывал стихи, написанные на его смерть.

Званка. Суббота 29 июля.

Бог хотел нам ниспослать грозное предзнаменование неожиданной смерти моего дяди, случившейся с 8 на 9 июля 1816 г., или, скорее, 9 в 1 час 30 минут утра. Эта роковая ночь, видевшая столь гнетущее отчаяние, совершенная безопасность, как мы полагали, в отношении его здоровья, испуг, ужас овладели нами настолько, что даже в горе мы не могли чувствовать.

Теперь, когда три недели прошло с того рокового дня и когда с каждым днем утрата становится для нас все чувствительнее, мое единственное утешение в том, чтобы говорить о нем, вновь вспоминать все его слова, так хорошо запечатлевшиеся в моем сердце и дающие представление о чувствах, которые питала эта ангельская душа. Начну с минуты нашего приезда сюда. Мы прибыли 30 мая в 5 часов утра в самую прекрасную погоду. Едва поднялись мы на гору, как нас поразил и остановил вид многочисленных кустов, покрытых великолепной сиренью, особенно тех, что растут справа от дома и тех, что под окнами дядиного кабинета. Восхищаясь всегда могуществом Создателя, проявлявшемся даже и в самом маленьком атоме, дядя был растроган и казался помолодевшим, радуясь вместе с нами этим очаровательным кустом. Он приближался к ним несколько раз, заставляя нас рассматривать красоту и размеры цветков, темную зелень листьев, которые выделялись своим здоровьем и вообще были такие сильные по сравнению с сиренью, которую мы оставили в нашем саду в Петербурге. Мы вошли в комнату, чтобы снять наши шляпы, но утро было столь великолепным и мы были так счастливы дышать благоуханным деревенским воздухом, выехав